

18.04.91

И не пробую — хотя бы с приблизительной точностью — восстановить: с какого же именно эпизода фильма, всплыв в ассоциативной памяти, начала неотступно преследовать меня эта стихотворная строчка (сочиненная еще в тридцатых годах погубленным поэтом)! Я твердил ее про себя и после сеанса, не торопясь вслух произнести, не желая, наверное, обнаружить преждевременно ощущение, с которым не хотелось расставаться. А теперь уже ни сил нет, ни желания от мучающих слов отвязаться — и почти не сомневаюсь, что впечатления свои здесь от картины «Папашка и мэм» (киностудия «Альянс») излагаю в тональности, заданной вспомнившейся по ходу ее строчкой: «Мы еще не начинали жить...».

Мне показалось, что и сам строй картины, и заложенная в нем личностная интонация обусловили ситуацию, разрешающую мне не чувствовать ни малейшей неловкости при обращении к давнему приятелю посредством газетного отклика на его работу. ...В жанре, избранном Александром Марьямовым

для новой работы своей в кино, я почувствовал известный вызов как раз ему близким, хорошо ему знакомым и хорошо его знающим людям, вызов, не побоюсь сказать, к кругу, в котором он живет, вращается.

Режиссерского дебюта Александра Марьямова мы могли ожидать и много раньше. Удачливый драматург, он работает в кинематографе не первое десятилетие. Среди снятых по его сценариям картин есть и знаменитые — достаточно назвать «Футбол нашего детства» или «Вы поедете на бал?...» Но нам, тем, кто знает Марьямова как литератора, как блестяще

«...ЕЩЕ НЕ НАЧИНАЛИ...»

начинавшего в шестидесятые годы журналиста, понятны были обиды его на режиссеров, по киношному прискорбному обыкновению, равнодушных к индивидуальной манере сценарного письма...

И легко было бы предположить, что к сравнительно позднему дебюту в режиссуре известный сценарист приписывает самый заветный из давних своих замыслов. Я, например, когда впервые услышал о планах его выступить, как постановщик, сразу же подумал про его, марьямовский, «Амаркорд» — сценарий о собственном послевоенном детстве, написанный им много лет назад, еще слушателем сценарных курсов. Все прошедшее с той поры годы мне было жаль, что сценарий тот не получил экранной реализации. Осуществившись тогда счастливый сценарный замысел моего старого товарища, и судьба его могла быть иной — ближе бы к тому, чего ему хотелось, к тому, чего заслуживает он по своим возможностям. Но не судьба

ли большинства из нашего поколения: не с того, с чего следовало бы начинать, слишком долго (иногда и при очень короткой жизни) жить невпопад, терять голос, ничего и не сказав громко? Единственное утешение: никак не оставляет чувство, что главное — впереди...

...И вот вдруг Марьямов предлагает пугающий друзей, откровенно попирающий их эстетическое кредо киногорманов китчевый «перевертыш» вечного сюжета «Ромео и Джульетты». И ко всему прочему заявляет в печати, что хочет снять очень простой фильм для широкого зрителя!

Да скажи он, что хочет снять фильм для одной лишь элитарной публики — кто бы из нас удивился? При все плотнее входящей, проникающей в профессиональный обиход непрофессионально декларируемой гигантомании не очень бы и удивились, услышав, что недовольный непристойной кассовостью прежних картин драматург готов все сейчас поставить на карту ради «нетленки» — и вполне готов остаться в гордом одиночестве, если уж не встретит ни в ком подобающего отклика. Гигантоманию нам всегда простят — в конце концов знаем же мы свои слабости. И трудно ли догадаться, что за пафосом неосуществимых замыслов — скрытая неуверенность в себе, вынужденно прощаемый и себе, и другим блеф...

Тем не менее Александр Марьямов в крайне сжатые сроки (их Твардовский, кстати, называл отличными сроками, если иных нам уже не дано) поставил картину, которой прокатчики (люди, лишенные сентиментальности) обещают впечатляющий финансовый успех и путешествие в разные страны. Я даже что-то про кинорынок в Канне слышал... И поэтому дальше, вероятно, марьямовская лента «Папашка и мэм» в моем сопровождении не нуждается — она переходит теперь в ведение и компетенцию того самого широкого зрителя, которому и предназначалась. И мне здесь остается либо позлословить насчет тех постановочных погрешностей, которых постигающему на шестом десятке лет режиссерское ремесло литератору (к тому же весьма своеобразному) при всей его киношной изнуренности вряд ли реально избежать...

Задержусь, однако, на другом — на том, из-за чего и хотелось написать об этом фильме, не страшась, что заметка получится излишне сумбурной...

Не мое, в общем-то, дело — судить о художественной непереносимости превращения в метафору нынешней жизни несколько эссеизированного «портрета» подземного перехода.

В фильме Марьямова мне гораздо важнее его авторство, чем нормативное умение. Не скажу, что умельцев в отечественном кинематографе хватает вполне, но автор уж точно — редкость. И я вижу, что вовсе не случайно вспомнил неосуществленный марьямовский «Амаркорд». Он вошел с ним в новую картину, где, как сам уверяет, ни на что особенное не претендовал.

Он только передал искреннее детское отчаяние взрослых перед идиотизмом жестокости их детей.

Он не испугался и сам выглядеть, да и быть в сущности, растерянным перед той молодостью, что пропустила, бездумно форсировала детство на ревуших мотоциклах, перед молодостью, лишившей себя глубины переживаний...

И он, Марьямов, заметьте, не обличает, не учителствует. И даже, пожалуй, не противопоставляет нас — им.

В фильме он только распахивает настежь свою личную детскость, предъявив ее как охранную грамоту наивной надежды в разрушающемся, пылающем злобой, ощерившимся животным эгоизмом мире.

«Мы еще не начинали жить...»

Но мы-то еще, может быть, и начнем — вопреки всему...

Александр НИЛИН.

● Любовь Полищук и Георгий Тараторкин в фильме «Папашка и мэм».